

В профиль и анфас. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

В профиль и анфас. Василий Макарович Шукшин

На скамейке, у ворот, сидел старик. Он такой же усталый, тусклый, как этот теплый день к вечеру. А было и у него раннее солнышко, и он шагал по земле и легко чувствовал ее под ногами. А теперь – вечер, спокойный, с дымками по селу.

На скамейку присел длиннорукий худой парень с морщинистым лицом. Такие только на вид слабые, на деле выносливые, как кони.

Парень тяжело вздохнул и стал закуривать.

– Гуляешь? – спросил старик.

– Это не гульба, дед, – не сразу сказал Иван. – Собачьи слезы, у тебя нет полтора рубля?

– Откуда?

– Башка лопается по швам,

– Как с работой-то?

– Никак. Бери, говорит, вилы да на скотный двор,

– Это кто, директор?

– Ну да. А у меня три специальности в кармане да почти девять классов образования. Ишачь сам, если такой сознательный.

– На сколь отобрали права-то?

– На год. А я выпил-то всего кружку пива! Да красенького стакан, а он придрался... С прошлого года караулил, гад, я его тогда матом послал, он окрысился...

– Ты уж какой-то... шибко неуживчивый, парень. Надо маленько аккуратней. Чего вот теперь с ими сделаешь? Они – начальство...

– Ну и что?

– Ну и сиди теперь. Три специальности, а будешь сидеть. Где и смолчать надо.

Жгли ботву в огородах – скоро пахать. И каждый год одно и то же, а все не надоест человеку и все вдыхал бы и вдыхал этот горьковатый, прелый запах дыма и талой земли.

– Где и смолчать надо, парень, – повторил старик, глядя на огоньки в огородах. – Наше дело такое.

– Да я особо-то не лаюсь, – неохотно откликнулся Иван. – Если уж прицепится какой... Главное, я же правила-то не нарушал! – опять горько воскликнул он. – За стакан вина да за кружку пива – на год лишать человека!.. Паразит.

– Заглянь через плетень, моя старуха в огороде?

– Зачем?

– У меня под печкой бутылка самогонки есть. Я б те вынес похмелиться-то.

Иван поспешно встал, заглянул в огород.

– Там, – сказал он, – в дальнем углу. Сюда – ноль внимания.

Старик сходил в дом, принес бутылку самогона и немного батуну. И стакан.

– Что ж ты сразу не сказал? – заторопился Иван. – Сидит помалкивает!.. – Он налил

В профиль и анфас. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru стакан и одним духом оглушил.– Я вот такой больше люблю, чем первач. Этот с вонью, как бензин,– долго не будешь раздумывать. Кха!.. Пей. Сразу только.

Старик выпил не торопясь, закусил батуном.

– Как бензин, верно?

– Самогон как самогон. Какой бензин?

– Ну вот! – Иван хлопнул себя ладонью в грудь,– Теперь можно жить. Спасибо, дед. Хошь моих? – Протянул пачку «Памира».

Старик с трудом ухватил негнущимися пальцами сигаретку, помял-помял, посмотрел на нее внимательно, прикурил.

– Петька-то пишет?

– Пишет. Помру я скоро, Иван.

Иван удивленно посмотрел на старика:

– Брось ты!..

– Хошь брось, хошь положь... на месте будет.– Старик говорил спокойно.

– Болит, што ль, чего?

– Нет. Чую. Тебе столько годов будет, тоже учуешь.

Ивану сделалось хорошо от самогона, не хотелось говорить про смерть.

– Брось! – сказал он.– Поживешь. Гармонь, што ль, принесть?

– Неси.

Иван перешел через дорогу, вошел в дом... И его долго не было. Потом вышел с гармошкой, но опять хмурый.

– Мать, – сказал он. – Жалко вообще-то...

– Все жа ехать хошь?

– Ну а что делать-то? – Иван, видно, только что так говорил с матерью. Не могу же я на этот... Да ну – к черту совсем! Я Северным морским путем прошел... Я моторист, слесарь пятого разряда... Ну ладно, год не буду ездить, но неужели... Да ну – к черту! – Он тронул гармонь, что-то такое попробовал и бросил. Ему стало грустно.– Не везет мне тоже, дед. Крепко. Женился на Дальнем Востоке, так? Родилась дочка... А она делает фортель и уезжает к мамочке в Ленинград. Ты понял? – Он часто рассказывал, как он женился.

– Пошто в Ленинград-то?

– Она на Дальнем Востоке за техникум отработывала. Да мне ее-то – черт с ней, мне дочь жалко. Снится.

– К ей теперь поедешь?

– К жене?! Она второй год замужем... Молодая красивая кыса.

– А куда?

– К корешу одному... На шахты. Может, не на все время. Может, на год...

– На год у вас теперь не получается. Шибко уж легко стали из дому уходить.

– Ну а что я тут буду делать-то?!-опять взвился Иван. – На этот идти, на... Да ну, к черту! – Он развернул гармонь, заиграл и стал подпевать – как-то нарочно весело, зло:

Вот живу я с женщиной,
Ум-па-ра-ра-ра!
А вот уходит женщина
Д от меня.
Напугалась, лапушка?
Кончена игра!..
Старик все так же спокойно слушал.

– Сам сочиняю, – сказал Иван. – На ходу прямо. Могу всю ночь петь.

А мы не будем кланяться –
В профиль и анфас;
В золотой оправушке...
– Баламут ты, Ванька, – сказал старик. – Ну, пошел ба, поработал год на
свинарнике... Мать не жалеешь. Она всю жись и так одна прожила.

Иван перестал играть, долго молчал.

– Не в этом дело, дед. Мне обидно. Что, думаешь, у них не нашлось бы места, где
устроить меня? Что им, один лишний слесарь помешает? Я тебя умоляю!.. Директор
на меня тоже зуб имеет. Я его дочку пару раз проводил из клуба, он стал
опасаться. А там можно опасаться: полудурок. А я трепаться умею... Я б ему сделал
подарок. Зря, между прочим, не сделал.

– Чтоб в подоле принесла? Подарок-то?

– Ага. Скромный такой. К восьмому марта.

– Это вы умеете.

– Вообще грустно, дед. Почему так? Ничего неохота... как это... как свидетель. Я
один раз свидетелем был: один другому дал по очкам, у того зрение нарушилось. И
вот сижу я на суде и не могу понять: я-то зачем здесь? Самое ж дурацкое дело!
Ну, видел – и все. Измучился, пока суд шел. – Иван посмотрел на огоньки в
огородах, вздохнул, помолчал. – Так и здесь. Сижу и думаю: «А я при чем здесь?»
Суд хоть длинный был, но кончился, и я вышел. А здесь куда выйдешь? Не выйдешь.

– Отсюда одна дорога – на тот свет.

Иван налил в стакан, выпил.

– Нет счастья в жизни, – сказал он и сплюнул. – Тебе налить?

– Будет.

– Вот тебе хорошо было жить?

Старик долго молчал.

– В твои годы я так не думал, – негромко заговорил он. – Знал работал за троих.
Сколько одного хлеба вырастил!.. Собрать ба весь, наверно, с год все село
кормить можно было. Некогда было так думать,

– А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял? Вроде нанялся, работаю. Но спроси:
«Для чего?» – не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался... А дальше что? –
Иван серьезно спрашивал, ждал, что старик скажет. – Что дальше-то? Душа все одно
вялая какая-то...

– Заелись, – пояснил старик.

– И ты не знаешь. У вас никакого размаха не было, поэтому вам хватало... Вы
дремучие были. Как вы-то жили, я так сумею. Мне чего-то больше надо.

– Налей-ка, – попросил старик. Выпил, тоже сплюнул. – Сороконожки, – вдруг зло
сказал он. – Суетитесь на земле – туда-сюда, туда-сюда, а толку никакого. Машин
понаделали, а... тьфу! Рак-то, он от чего? От бензина вашего, от угару. Скоро
детей рожать разучитесь...

– Не скажи.

– И чувт ведь, что неладно живут, а все хорохорятся, «Разма-ах»! А чего гнусишь тогда?

– Чего эт тебя заело-то? Что дремучими вас назвал? А какие же вы?

– Лодыри вы. Светлые. Вы ведь как нонче: ему, подлецу, за езду рупь двадцать кладут – можно четыре рубля в день заробить, а он две ездки делает и коней выпрягает. А сам – хоть об лоб поросят бей – здоровый. А мне двадцать пять соток за езду начисляли, и я по пять ездок делал, да на трех, на четырех подводах. Трудодень заробишь, да год ждешь, сколь тебе на его отвалят. А отвалили – шиш с маслом. И вы же ноете: не знаю, для чего робить! Тебе полторы тыщи в месяц неохота заробить, а я за такие-то денюжки все лето горбатился.

– А мне не надо столько денег, – словно подзадоривая старика, сказал Иван. – Ты можешь это понять? Мне чего-то другого надо.

– Не надо, а полтора рубля – похмелиться – нету. Ходишь как побирушка... не надо ему! Мать-то высохла на работе. Черти... Лодыри. Солнышко-то ишо вон где, а они уж с пашни едут. Да на машинах, с песнями!.. Эх... работники. Только по клубам засвистывать, подарки отцам мастерить...

– Нет, уж такой жизни теперь не будет, чтоб... Вообще ты формально прав, но ведь конь тоже работает...

– Позорно ему на свинарнике поработать! А мясо не позорно исть?

– Не поймешь, дед, – вздохнул Иван.

– Где нам!

– Я тебе говорю: наелся. Что дальше? Я не знаю. Но я знаю, что это меня не устраивает. Я не могу только на один желудок работать.

Эх, на один желудочек,
На-нина-ни-на...

– пропел он.

Старик усмехнулся:

– Обормот. Жена-то пошто ушла? Пил небось?

– Я не фраер, дед, я был классный флотский специалист. Ушла-то?.. Не знаю. Именно потому, что я не был фраером.

– Кем не был?

– Это так...– Иван поставил гармонь на лавку, закурил, долго молчал. И вдруг не дурашливо, а с какой-то затаенной тревогой, даже болью сказал: – А правда ведь не знаю, зачем живу.

– Жениться надо.

– Удивляюсь. Я же не дурак. Но чем успокоить душу? Чего она у меня просит? Как я этого не пойму!

– Женись, маяться перестанешь. Не до этого будет.

– Нет, тоже не то. Я должен сгорать от любви. А где тут сгоришь!.. Не понимаю; то ли я один такой дурак, то ли все так, но помалкивают... Верись, нет: ночью думаю-думаю – до того плохо станет, хоть кричи. Ну зачем?!

– Тьфу! – Старик покачал головой. – Совсем испортился народишко.

А день тихо умирал, истлевал в теплой сырости. Темней и темней становилось. Огоньки в огородах заблестели ярче. И все острее пахло дымом. Долго еще будут

В профиль и анфас. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
жечь ботву и переговариваться. И голоса будут звучать отчетливо, а шум и возня в деревне будут стихать, И совсем уже темно станет. Огоньки в огородах станут гаснуть, И где-нибудь, совсем близко, звучный мужской голос скажет:

– Ну, пошли, ладно,

Насколько тихо, спокойно и грустно уходит прожитый день, настолько звонко, светло и горласто приходит новый. Петушья орет по селу. Суетятся люди, торопятся. Опаздывают.

Иван поднялся рано. Посидел на кровати, посмотрел в пол. Плохо было на душе, муторно. Стал одеваться.

Мать топила печку; опять пахло дымом, но только это был иной запах – древесный, сухой, утренний. Когда мать выходила на улицу и открывала дверь, с улицы тянуло свежестью, той свежестью, какая исходит от лужиц, подернутых светлым, как стеклышко, ледком; от комков земли, окропленных мелким бисером изморози; от вчерашних кострищ в огородах, зола которых седая, и влажная, и тяжелая; от палого листа, который отсырел с весной, но все равно, когда идешь, громко шуршит под ногами.

– Может, я схожу к директору-то, попрошу?.. – заговорила мать.

Иван брился.

– Еще чего! В ноги упади – он довольный будет.

– Ну а как же теперь? – Мать старалась говорить не просительно, как можно убедительней – понимала; разговор, наверно, последний. – Ходят люди, просят. Язык-то не отсохнет...

– Я ходил. Просил.

– Да знаю я тебя, тугоносого, как ты просил! Лаяться только умеете...

– Хватит, мам.

Мать больше не выдержала, села на приступку и заплакала тихонько и запричитала:

– Куда вот собрался? К черту на кулички... То ли уж на роду мне написано весь свой век мучиться. Пошто же, сынок, только про себя думаешь?..

Иван знал: будут слезы. И оттого было так плохо на душе, щемило даже, И оттого он хмурился раньше времени.

– Да што ты меня... на войну, што ли, провожаешь? Што я там?.. Да ну, к шутам все! И вечно – слезы!.. Мне уж от этих слез житья нету.

– Сходила ба, попросила – не каменный он, подыскал ба чего-нибудь. А то к инспектору сходи... Што уж сразу так – уезжать. Вон у Кольки Завьялова тоже права отбирали, сходил парень-то, поговорил... С людьми поговорить надо...

– Они уж в милиции, права-то. Поздно.

– Ну в милицию съездил ба...

– Хо-о! – изумился Иван. – Ну ты даешь!

– Господи, господи... Всю жись вот так, И за што мне такая доля злосчастная! Проклятая я, што ли...

Невмоготу становилось, Иван вышел во двор, умылся под рукомойником, постоял в одной майке у ворот... Посмотрел на село. Все он тут знал. И томился здесь, в этих переулках, лунными ночами... А крепости желанной в душе перед дальней дорогой не ощущал. Он не боялся ездить, но нужна крепость в душе и немножко надо веселей уезжать.

Вывернулся откуда-то пес Дик, красивый, но шалавый, кинулся с лаской.

– Ну! – Иван откинул пса, пошел в дом.

Мать накрывала на стол,

– Ну, поработал ба на свинарнике..

Они настойчивые, матери. И беспомощные.

– Ни под каким лозунгом, – твердо сказал Иван. – Вся деревня смеяться будет. Я знаю, для чего он меня хочет на свинарник загнать... Только у него ничего не выйдет,

– Господи, господа...

...Позавтракали.

Мать уложила все в чемодан и тут же села на пол у раскрытого чемодана и опять заплакала. Только не причитала теперь.

– С годок поработаю и приеду. Чего ты?..

Мать вытерла слезы,

– Может, схожу, сынок? – Посмотрела снизу на сына, и из глаз прямо плеснулось горе, и мольба, и надежда, и отчаяние, – Упрошу его... Он хороший мужик.

– Мам... Мне тоже тяжело.

– А может, сунуть кому-нибудь в милиции-то? Што, думаешь, не берут? Счас, не взяли! Колька Завьялов, думаешь, не сунул? Сунул... Счас, отдали так-то.

– Тут неизвестно, кто кому сунет: я им или они мне.

Предстояло прощание с печкой. Всякий раз, когда Иван куда-нибудь уезжал далеко, мать заставляла его трижды поцеловать печь и сказать; «Матушка печь, как ты меня поила и кормила, так благослови в дорогу дальнюю». Причем всякий раз она напоминала, как надо сказать, хоть Иван давно уж запомнил слова. Иван трижды ткнулся в теплый лоб печки и сказал:

– Матушка печь, как ты меня поила и кормила, так благослови в дорогу дальнюю.

...И пошли по улице; мать, сын и собака.

Ивану не хотелось, чтоб мать провожала его, не хотелось, чтоб люди глазели в окна и говорили: «Ванька-то... уезжает, што ль, куда?»

Попался навстречу дед, с которым они вчера беседовали на сон грядущий. Иван остановился. Он подумал, что, постояв, мать не пойдет дальше, а повернет и уйдет с соседом.

– Поехал?

– Поехал.

Закурили.

– Рыбачил, што ль?

– Попробовал поставить перем"тишки... Рано ишо.

– Рано,

Мать стояла рядом, сцепив на фартуке руки, не слушала разговор, бездумно, не то задумчиво глядела в ту сторону, куда уезжал сын.

– Не пей там, – посоветовал дед. – Город – он и есть город – чужие все. Пообвыкни сперва...

– Што я, алкаш, што ли?

Еще постояли.

– Ну, с богом! – сказал старик.

– Бывай.

Старик пошел своей дорогой. Иван посмотрел на мать... Она, все так же глядя вперед, пошла, куда им надо идти. Иван пошел рядом.

Прошли немного.

– Мам... иди домой.

Мать послушно остановилась. Иван слегка приобнял ее... Голова ее затряслась у него на груди. Вот этот-то момент и есть самый тяжелый. Надо сейчас оторвать ее от себя, отвернуться и уйти.

– Ладно, мам... Иди. Я сразу письмо напишу. Как приеду, так... Ничего со мной не случится! Не ездют, што ль, люди? Иди.

Мать перекрестила его.. И осталась стоять. А Иван уходил. Глупый пес увязался за ним. Он всегда ходил с хозяином на работу.

– Пошел! – сердито сказал Иван.

Дик повилял хвостом и продолжал бежать впереди.

– Дик! Дик! – позвал Иван.

Дик подбежал. Иван больно пнул его, пес заскулил, отбежал в сторону. И с удивлением смотрел на хозяина. Иван обернулся. Дик вильнул хвостом, тронулся было с места, но не побежал, остался стоять. И все так же удивленно смотрел на хозяина. А подальше стояла мать...

«Нет, надо на свете одному жить. Тогда легко будет», – думал Иван, стиснув зубы. И скоро вышагивал по улице – к автобусу.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!